

ИСКУССТВО МИМИКИ

RUGRAM

Москва
2022

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)

Искусство мимики / М. : Т8 Издательские технологии /
RUGRAM, 2022. – 228 с. – (Этикет XIX века).

ISBN 978-5-521-78314-4

В серии «Этикет XIX века» мы расскажем вам о правилах этикета для мужчин и женщин.

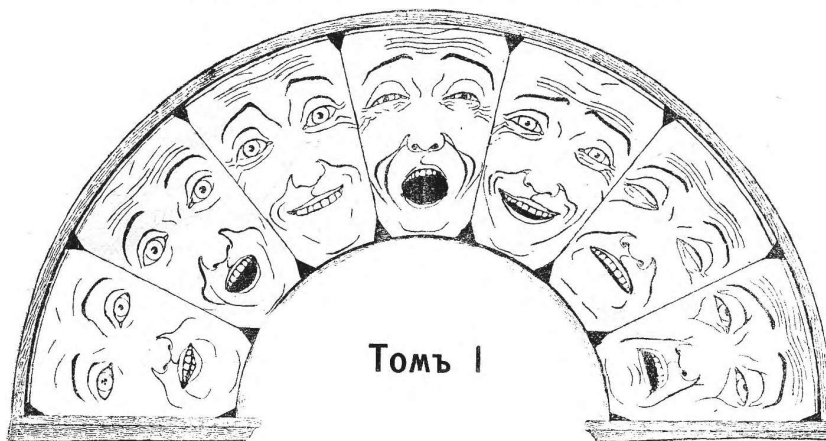
Данная серия интересна фактами быта прошлого, а также «редкими» материалами, не публиковавшимися с конца 19 века.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-78314-4

© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Енциклопедія СЦЕНИЧЕСКАГО самообразованія

ИСКУССТВО М И М И К И

Съ 232 рис.

Составиль В. П. ПАЧИНОВЪ

Изданіе журнала „Театръ и Искусство“
1909

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Грудъ“. Фонтанка, 86.

ИСКУССТВО МИМИКИ.

По Шарлю Оберу и др.

Составилъ В. П. Лачиновъ *).

«Согласно своей этимологіи, терминъ «языкъ» долженъ бы примѣняться къ выраженію мысли при помощи слова, но вслѣдствіе расширенія понятій, разумѣется весьма законнаго, это названіе примѣняется и къ инымъ способамъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ можетъ передавать другимъ свои впечатлѣнія, мысли, желанія.

Вслѣдствіе этого, сообразно характеру употребляемыхъ знаковъ, мы различаемъ: языкъ дѣйствій или мимику, языкъ устный или словесный и языкъ письменный».

(Дюпинз-де-Ворпьерз).

*) Предлагаемый трудъ составленъ главнымъ образомъ по книгѣ: *Charles Aubert. L'art mimique*; но кромѣ того пособіями служили слѣдующія сочиненія: *Cuyet. La Mimique. Ch. Hacks. Le geste. Kraupp. Mimik und Gebärdensprache. Пидеритъ Мимика.*

«Это заблужденіе, порожденное привычкой смотрѣть на голосъ, какъ на особое исключительное орудіе языка; жестъ и пантомима также естественны и понятны, какъ крикъ, и въ первобытномъ состояніи языка зрительные способы вѣроятно долго имѣли преобладаніе надъ слуховыми; лишь вслѣдствіе естественнаго подбора и въ силу того, что наиболѣе приспособленный долженъ восторжествовать, голосъ и сдѣлался господствующимъ средствомъ общенія—до такой степени, что мы вообще передачѣ мысли присвоили названіе языка».

(Уитней—„Жизнь Языка“).

Разумѣется, словесный языкъ и письменность—могущественное и удивительное средство, свидѣтельствующее о высшемъ геніи человѣка; они являются источниками всякаго прогресса и всякой цивилизаціи, равно какъ и самыхъ утонченныхъ нашихъ наслажденій; оба эти языка, условные и выдуманые, потребовали такъ много умственныхъ усилій и безпрестаннаго труда, что нечего удивляться, какимъ образомъ, люди, сдѣлавшіеся цивилизованными, окончательно забыли о существованіи первобытнаго языка, или по крайней мѣрѣ забросили его, хотя и продолжали имъ пользоваться въ извѣстной мѣрѣ и почти безсознательно.

Но вполне очевидно, что этотъ языкъ былъ первымъ, къ которому человѣкъ сталъ прибѣгать

чтобы выражать свои опасенія, нужды, желанія и стремленія.

Изъ всѣхъ способовъ общенія это самый ясный, самый быстрый, самый настойчивый, хотя и самый ограниченный. Будутъ ли имъ интересоваться или оставлять въ пренебреженіи, онъ во всякомъ случаѣ продлится до тѣхъ поръ, пока будетъ трепетать человѣческая жизнь. Онъ не только съ ней неразлученъ, потому что оказывается невольнымъ и нераздѣльнымъ проявленіемъ чувства, не только онъ всюду принятъ и всюду понимаемъ, но является вдобавокъ неизмѣннымъ пособникомъ почти всѣхъ искусствъ.

Дѣйствительно, если сколько нибудь подумать,—кто можетъ оспаривать значеніе мимики для устнаго и даже литературнаго краснорѣчія, для пѣнія и танцевъ, для живописи и скульптуры, и наконецъ, въ особенности, для сцены?

Къ несчастью, большинство лицъ, посвящающихъ себя одному изъ перечисленныхъ искусствъ, повидимому, и не подозреваетъ, что именно благодаря своему невѣжеству въ мимикѣ, они остаются артистами незаконченными или совершенно посредственными.

Среди ораторовъ, будь то священники, адвокаты или народные трибуны, очень немногіе заботятся о сильной и сдержанной мимикѣ, которая удвоила бы могущество ихъ рѣчи, придавъ ему жизненный пылъ и захватъ.

Литераторы, а въ особенности романисты и драматурги, должны-бы съ неменьшимъ интересомъ правдиво изображать видимыя проявленія чувства и страсти, а между тѣмъ, за неимѣніемъ лучшаго, они довольствуются старыми клише.

Что касается пѣвцовъ и танцовщицъ, которымъ слѣдовало бы, правду говоря, не только пропѣть или протанцовать порученную имъ роль, но также и сыграть ее, то приходится съ прискорбіемъ отмѣтить, что первые дѣлаютъ лишь автоматичные и фальшивые жесты, предназначенные скорѣе для облегченія звука, чѣмъ для выраженія чего-либо, а танцовщицы довольствуются выполненіемъ небольшого запаса традиціонныхъ жестовъ, одобренныхъ обязательно улыбочкой, и это завѣщается артистами балета изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Съ другой стороны, сколько художниковъ, скульпторовъ, притомъ одаренныхъ отъ природы, создаютъ лишь холодныя произведенія, безъ всякаго впечатлѣнія на зрителя, единственно потому, что въ нихъ отсутствуетъ страстная мимика, которая не могла быть дана отъ себя утомленной натурщицей; а между тѣмъ историческая картина или скульптурная группа—это, въ сущности, застывшая сцена и будучи написанной или высѣченной изъ мрамора, каждая фигура представляетъ лишь одну позу, одинъ жестъ, одно выраженіе; поэтому живописецъ или скульпторъ, именно вслѣдствіе неизмѣнности въ выраженіи фигуръ, дол-

женъ передать его правдиво и въ полномъ совершенствѣ.

Наконецъ, тѣ, для кого мимика должна-бы стать предметомъ непрестаннаго изученія, потому что для нихъ искусство мимировать столь же важно, какъ искусство хорошо произносить, это—драматическіе артисты.

Дѣйствительно, чего ищутъ въ театрѣ, какъ не того, что составляетъ разницу между пьесой, прослушанной въ чтеніи, и пьесой, изображаемой на подмосткахъ; мимика именно то, что преобразуетъ литературное произведеніе въ живое дѣйствіе.

Что значатъ эти выраженія „играть пьесу“, „игра актеровъ“? Вѣдь это ничто иное,—помимо декламации,—какъ языкъ дѣйствій или мимика артистовъ, т. е. ихъ позы, игра лица, ихъ жесты и всѣ выполняемые движенія; короче сказать, не языкъ-ли дѣйствій въ соединеніи съ словомъ и составляетъ именно очарованіе, волшебный магнитъ, влекущій въ театральнй залъ?

Какимъ образомъ судятъ о томъ, что одинъ артистъ превосходенъ, а другой дуренъ, хотя интонаціи у обоихъ одинаково хороши?

Неправда-ли, просто потому, что мимика первого интереснѣе, чѣмъ мимика второго.

Другихъ основаній тутъ нѣтъ.

Вотъ почему мы утверждаемъ, что главный отличительный элементъ театра—это мимика и что актеры, прежде чѣмъ учиться декламировать, должны-бы учиться мимическому искусству.

Такъ ли это въ дѣйствительности?

Отнюдь нѣтъ; и даже поразительно, что большинство актеровъ никогда и не задумывалось надъ этимъ вопросомъ; они воображаютъ, что мимическое искусство необходимо лишь для разыгрыванія пантомимъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Вотъ по этому поводу нѣсколько строчекъ Жана Жюльена, напечатанныхъ въ газетѣ «Plume».

«Что происходитъ теперь въ нашихъ драматическихъ театрахъ? Мимика до такой степени съужена, что вся сводится къ нѣсколькимъ условнымъ переходамъ и нѣсколькимъ позамъ. Актеровъ выбираютъ, какъ теноровъ, за ихъ голосъ, ихъ тѣлесныя преимущества. Консерваторія научаетъ ихъ главнымъ образомъ говорить, отчеканивать слова; все рассчитано на эффектъ слова или фразы, но ничего нѣтъ для пытливой мысли; актеръ не является болѣе живымъ существомъ, обладающимъ душою и тѣломъ, это—корректный фонографъ; онъ болѣе не играетъ, а отчитываетъ роль передъ рампой, — или декламируетъ, если вамъ больше нравится».

Какъ ни строга можетъ показаться такая оцѣнка, она глубоко справедлива и между нашими лучшими актерами, включая даже представителей нашихъ первыхъ сценъ, добросовѣстные артисты, понимающие важность мимики и стремящіеся усовершенствовать свое исполненіе, весьма рѣдки.

Мы даже вынуждены прибавить, что и эти рѣд-